



ЕЛЕНА
ЯДРЕНЦЕВА

Фуга

роман

Время – юность!

Елена Ядренцева

Фуга

«ВЕБКНИГА»

2021

Ядренцева Е.

Фуга / Е. Ядренцева — «ВЕБКНИГА», 2021 — (Время – юность!)

ISBN 978-5-96-912246-8

Что вы будете делать, если очнетесь в странном месте и осознаете, что ничего не помните? А если таких, как вы, целый Приют и вы деретесь, поете, кричите, танцуете, лишь бы не сознавать, что теперь этот дом и есть ваша жизнь? А если все это происходит в городе среди лесов, и за окном – темнота, и местные жители Приют хотят закрыть? А в вас плещется сила, рыжая или синяя, огонь или река, и вы не знаете, что с ней делать и что делать с собой? Вот в такой ситуации и оказались герои романа «Фуга». Им предстоит вспомнить себя, отстоять Приют и попытаться рассеять темноту – за окном и в чужих снах.

ISBN 978-5-96-912246-8

© Ядренцева Е., 2021

© ВЕБКНИГА, 2021

Содержание

Пролог	7
Преддверье	9
I	11
II	16
III	20
IV	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Елена Ядренцева

Фуга

© Ядренцева Е. В., 2021

© «Время», 2021

* * *

Елена
Ядренцева

Фуга

Роман



*Моему отцу,
Ядренцеву Владимиру Федоровичу,
посвящается*

Пролог

– Эй, ты это куда понес? Не-не, погодь, в смысле не надо нам сюда еще кровать! Да не тащи ты ее, э, кому сказал!

У входа в только что созданный Приют чуть ли не лбами столкнулись двое парней: один действительно взволнованно на крыльцо старую кровать и пытался теперь прорваться к двери; другой, Рысь, оную дверь заслонил и изображал командирский окрик.

Карл Мюнтие, мастер города Асн, как раз пришедший посмотреть, как там дела, остановился и одобрительно хмыкнул: последняя фраза ничего у мальчика вышла. А что вчера его трясло, так это ладно, никогда раньше он домов не создавал, вот и трясло. Ну потрясет и перестанет.

Солнце слепило, Карл приставил ладонь ко лбу. Приют пах деревом, Карл аж отсюда чувствовал, а поле – пижмой, клевером, нагретой зеленью. Рысь, рыжий, тощий, только-только очнувшийся, все уламывал второго бросить кровать. «Слышишь, ну не, так не пойдет. Каркас оставь, а. Возьми подушки и матрас, отнеси в дом. Как ты ее допер-то вообще?»

Рысь спрашивал с недоумением и сочувствием, и это было хорошо. Он не орал. То есть хуже было б, если бы орал, и совсем плохо – если бы нес что-то в духе «а я тут главный, меня мастер попросил». Мастер, который стоял себе глядел, как замысел потихоньку обретает плоть, подошел ближе, сделался заметен и хмыкнул обоим:

– Денечка доброго.

– А, здрасте, доброго, – ответил Рысь и вытер пот со лба, и по тому, как он сощурился, Карл понял – ни черта-то он не помнит. – У нас тут типа спор.

– Да я вижу, что спор.

Чудак с кроватью так и замер, мотал головой, и Карл кивнул ему – мол, сгинь давай. Тот от кровати отцепился, но сгреб одеяло, обе подушки и простыню и с этим грузом просочился в дверь.

Рысь остался, и кровать теперь стояла между ним и Карлом.

– А вы кто будете, прощения прошу?

– Я-то? – Карл не спеша вполоборота уселся на голый матрас, вытянул ноги, поддернул штанины. – А мастер здешний. Слышал о таком?

– Так это вы сказали, что я здесь все создал?

– Ну, все не все, а дом вполне себе.

Рысь обходил кровать так медленно, что стало ясно, почему появилось прозвище. Карл ждал. «Ну кинься, кинься, если хочется». Рысь застыл рядом, голос его чуть дрожал – то ли страх, то ли злость, то ли всё вместе:

– Я вообще-то не собирался создавать ничего. Вы бы, мастер, начистоту сказали, не?

– А ты присаживайся – может, и скажу.

Сесть-то он сел, только на самый край – и все смотрел, смотрел, не сводя глаз. Куртку ему уже почистили, штаны не успели, и были те пижонские штаны в налипшей грязи чуть ли не до самых колен. Сама отвалится? И ведь дурак дураком, ни хрена не видел, а уже чуть не сдох. И сколько таких еще?

Карл вытащил из пачки сигарету, протянул Рыси, взял себе вторую. Рысь затаился жадно, благодарно, покосился на Карла и таки ввернул:

– А говорят, мол, мастера не курят.

– Это смотря какие мастера.

– А вы какой?

Да он не парень даже, а мальчишка. Такого бы в приличный дом или учиться – и глядишь, выйдет в люди. А ты вздумал...

– Ты, Рысь, читать-то любишь?

– Вы откуда знаете? В смысле, не про книжки, а про прозвище?

– Да я много чего знаю, ты не дергайся.

А лицо у него подвижное – хоть отворачивайся. Вокруг трещали всякие кузнечики, в Приюте что-то с грохотом упало и вслед за этим кто-то бодро выругался, и Карл сжалился и выдал полуправду:

– Да ладно, ладно, девушка твоя сказала.

– А когда это вы с ней...

– А вот пока ты спал.

Рысь курил, его девушка где-то внутри расчесывала волосы, и ни один из них еще не знал, что сотворенный Рысью дом покинуть они смогут ой нескоро.

Преддверье

В первый день осени Рысь, глава известного в узких кругах Приюта, встал с постели и наступил на что-то липкое.

– Ну ё-мое, – выругался Рысь удивленно и всмотрелся внимательней: да нет, не кровь. Это вчера тут кто-то что-то очень основательно разлил.

Рысь зевнул во весь рот и стал натягивать штаны. За спиной заворчалась Роуз, его женщина, но не проснулась; вот и ладно, пускай выспится. А он пока может собрать с пола чужие шмотки: носок, еще носок, синий лифчик – у Роуз-то сейчас точняк другой, футболка... В углу стояли две пустых бутылки и пепельница с мятыми окурками – Приют как он есть. На окне кто-то нарисовал помадой рожицу.

– Цыплят по осени считают, – сказала Роуз ровным голосом, и Рысь поежился. Роуз, не шевелясь, смотрела в потолок.

– Каких цыплят, радость моя?

– Таких пушистеньких. Цыплят по осени едят, если найдут.

– Ой да ладно тебе, едят не едят...

Он снова сел, зарылся лицом ей в волосы и наладился было заснуть снова, но вместо этого проснулся окончательно и сразу понял отчего – от тишины. Как будто разом отсекли вообще все звуки.

– Слишком темно, – сказала Роуз ровным голосом.

– Ниче-ниче, радость моя, скоро рассвет...

Но пока там, снаружи, была тягучая, густая темнота – ни просвета, ни щелочки. Рысь чувствовал это.

– Скоро случится что-то отвратительное, вот я о чем.

Рысь шумно вздохнул – хорошо началось утро. А через часик потянутся страждущие – того утешь, этому объясни, этим вломи, эту разубеди... Кто-нибудь новенький возжаждет утешения, кто-нибудь старший позабудет, кто он есть, а он, Рысь, будет делать вид, что очень умный и точно знает, как им всем помочь. Самое странное, что день за днем это прокатывало. Сам Рысь типу с такой физиономией ни в жизнь не стал бы доверять, а эти вон как...

Роуз тем временем села прямо и уже деловито подсказала:

– Вон там еще стакан, на подоконнике.

Стаканы толпились везде: и на полу, и на печальном, в пятнах, подоконнике, и даже на стуле. Тетрадь, в которой Рысь вел важные счета, открытая, лежала на столе. В ней поперек листа было его собственным почерком написано: «Напомнить А., где он забыл свою жену!»

– А где Артур забыл свою жену?

– У него нет жены, милый.

– Так я и думал...

– Почему мы уснули-то в мансарде Яблока?

– Потому что вчера нам показалось, что праздновать тут – хорошая идея.

Рысь вздохнул. Он собирался отнести стаканы в кухню и заодно сообразить поесть. Третьего дня он припрятал в буфет банку маслин и теперь предвкушал. Нужны же радости... Уже на выходе вспомнил и обернулся:

– Слушай, а твое это, отвратительное – оно совсем вот-вот или есть время?

– Не знаю, – Роуз как раз натягивала платье через голову, но Рысь понял, что она жмет плечами, – вот сейчас кажется, что вообще уже случилось.

Снаружи все никак не рассветало.

Выпусти нас, выпусти нас, выпусти, выпусти нас, мы ведь все равно выйдем, не мешай нам...

Выпусти...

Выпусти...

Тебе нет смысла нас удерживать...

Ты же помнишь, кто мы такие, правда же?

Ах, поглядите на него, какая жалость, он нас не помнит!

Да он сам себя не помнит!

Ты лучше выпусти нас, а то сам знаешь, что будет...

Выпусти...

Отвори...

Все равно сдашься...

Яблоко не спеша открыл глаза, осознал, где находится, и ухмыльнулся в потолок:

– Какая прелесть. – И чихнул, потому что в Приюте было холодно. По осени в Приюте всегда холодно. – Однако же забавная традиция, – бормотал Яблоко, задумчиво рассматривая то ремень, то помаду, то стакан, позабытые кем-то беспечным в его мансарде. – Вот так отлучишься на жалкие семь месяцев – и твоя комната уже притон разврата. И кровать, видимо, ложе чьей-то любви. И осы в спячке.

Словно отвечая на его слова, в гнезде под потолком зажужжали.

– Ах вы ж мои хорошие, – проговорил Яблоко с нежностью, – проснулись, да?

Выпусти нас, зараза.

Пожалеешь!

Время уходит, и оно твое, не наше...

Яблоко замер с распростертыми руками. Осы слетали к нему на ладони, плечи, ползли по лицу, забирались в рукава. Яблоко запрокинул голову и жмурился, как кот, которому почесывают шею.

– Да, да, да, вы ж мои солнышки, и я вас тоже люблю, да, мои милые, да, кто соскучился!.. Ах вы ж мои роскошные!

Даже не смерть...

Есть вещи хуже смерти...

От тебя не останется ни шанса...

– Вы ж мои славные! Ну, кто ваш папа, кто? А кто это у нас тут такой красивый?

Яблоко поднес к губам усеянную осами ладонь и принялся целовать – осторожно, будто дышал на запотевшее стекло. Осы в ответ жалили его в губы, но ни следа укусов видно не было. Одна оса заползла в приоткрытый рот, и Яблоко сплющил ее о небо, крепче зажмурился от наслаждения – и проглотил.

Выпусти, выпусти...

Осы все жалили его – и засыпали.

I

Джо пришла в себя оттого, что рядом разгорелся спор. Она еще не разбирала слов, но интонации узнавала безошибочно. С такими мама сдерживалась, чтоб не отрезать: «Разговор окончен».

Только вот спорили двое мужчин. Негромко, и один звучал как школьная дама, а другой – как сама Джо, когда все-таки огрызалась.

– Я так понял, что это ваша юрисдикция.

– С чего это моя?

– А вот смотрите.

Джо открыла глаза и первым делом разглядела рыбий хвост. Скользящая, жирная рыбина, облитая маслом, лежала рядом с ее ухом. Джо медленно выпрямилась и сказала:

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, здравствуйте, – откликнулся тот из мужчин, который как в школе. Черные волосы, костюм, лицо зануды.

Второй был рыжий, встрепанный, в джинсах и рубашке, он посмотрел на Джо и вздохнул:

– Господи ты боже.

Джо оглядела себя: да, кофта вся в масле. И кожанка. И вообще на всю одежду налипли луковые кольца и кое-где рыбы чешуйки. Все блестит. Оказывается, Джо свалилась на лоток с рыбой, а вокруг стояли прилавки на любой вкус – с яблоками, морковью, рябиной, белыми ягодами, что появляются по осени.

– Но я не собиралась падать в рыб, – сказала Джо и не узнала свой голос. Рынок шумел, и люди торговались, и всем, казалось, было все равно, что Джо не помнит, как тут очутилась, кроме хозяина рыбного лотка.

– Собиралась не собиралась, а рыбу мне испортила, вот что!

Он был какой-то слишком загорелый для такого холода, и на смуглом лице особенно ярко выделялись белые усы. Джо смотрела на все будто из-под воды: на торговца в его жилете, и на двух спорщиков, которые вздохнули почти одинаково, и на примерзшую траву под ногами, и на цветастые юбки женщин вокруг. Никому нет дела.

– Помилуйте, – вступил черноволосый, – но как именно испортилась рыба? От падения? Это влияет на качество рыбы? Я не осведомлен.

Рыжеволосый закатил глаза:

– О господи ты боже мой, «качество рыбы»! Если вы, господин торговец, так уж пострадали, то я пришлю людей, и они будут у вас в подручных целый день, идет?

– Вот ваших молодцов мне тут только и не хватало.

– Тогда чего вы хотите?

– Мне бы денежек...

Рыжеволосый процедил сквозь зубы:

– Сколько вам?

– Я могу заплатить, – сказала Джо, – я только вспомню, где... откуда я...

Рыжеволосый и Костюм переглянулись.

– Уведи девочку, будь так любезен, – сказал Костюм подчеркнуто ровным голосом, – я оплачу.

Рыжий скривился и кивнул:

– Спасибо, братец.

Джо шла за рыжим и пыталась вспоминать.

Некоторые истории обретают вес и смысл, только будучи пересказаны впоследствии. Рысь и Роуз относили свою как раз к таким.

– Когда-нибудь выйдет шикарная байка, – говорил Рысь, падая на кровать глубоким вечером.

– Это уже пьяная байка, – возражала Роуз, – и с самого начала было ею.

– Не, – Рысь закидывал руки за голову, что значило, что он всерьез увлекся, – для байки нужна смысловая завершенность. Ну типа: и потом, спустя два года, они вдруг поняли, что у них ничегошеньки не вышло. А мы ж не знаем, чем оно тут кончится, так что пока это всего только история.

– Про то, как ничего не выходило.

– Про то, как мы эпически лажали, я бы сказал.

Начать с того, что никакой Приют Рысь ни основывать, ни возглавлять не собирался. Он до сих пор помнил, как разлепил глаза и обнаружил, что над ним склонилась Роуз. Одновременно очень захотелось пить и чтоб она его поцеловала.

Вокруг творился бардак. Люди входили, выходили, мельтешили, пол был густо присыпан цементной крошкой; Роуз гладила его по волосам, в ушах шумело. Огромный красный зал был залит солнцем, и яркий свет нещадно слепил глаза.

– Что это за дом? – проговорил Рысь непослушным языком, пытаясь приподняться на локте. – Что это за место вообще?

– Вот уж не знаю. Это ведь ты сделал, а не я.

Рыси казалось, что ее прохладный голос медленно льется на его горячий лоб, и он зажмурился, подставив лицо, а потом разобрал смысл.

– Я сделал? Радость моя, ты о чем?

– Я говорю – не было дома, а потом появился. Знающие люди говорят, что это результат твоего намерения. Это ты сделал. Ты вложил в него себя.

– Что я вложил?.. Какие люди на хрен?

Ему почудилось, что Роуз издевается. Он кое-как сел, все еще шурясь от света, огляделся из-под ладони козырьком. Было чувство точь-в-точь как после пьянки, когда не помнишь, что вчера произошло, но уже чувствуешь стыд и досаду вперемешку.

От дверей подбежал встрепанный парень:

– Это же вы здесь главные? Вы главный, да? А там внизу две девушки дерутся!

Потом этот день назовут первым днем Приюта и вспоминать будут обмолвками и неохотно.

Говорят, что со временем дом перенимает характер своего хозяина. Рысь не знал, как там у других домов, но что Приют пошел в него – вот это точно. Рысь обожал красно-коричневый цвет – и весь Приют был выкрашен в такой же. Рысь любил музыку – в Приюте много пели. Еще в Приюте были большие окна, тесная кухня и почти не было мебели, но почему так, Рысь понятия не имел.

– Может, это типа символ того, что я в душе суров и аскетичен? – недоумевал он, когда обнаружилось, что кроватей в Приюте всего две, да и те в мансардах. – Какой, однако, скудный у меня внутренний мир, с ума сойти...

Это потом выяснилось, что каждый предмет мебели утяжелял дом, а значит, увеличивал нагрузку на Рысь в целом, а тогда Роуз пожала плечами:

– Зато на кухне есть цветы на подоконнике. Много, много цветов, такие заросли.

У Роуз имелись: превосходные манеры, рыжие волосы, темные глаза, тонкие губы, точеный нос и подобающее воспитание. Носила она чаще всего джинсы с майками, но плечами при этом пожимала с таким видом, что все прочие, в платьях ли, в кружевах ли, как-то вдруг меркли и отходили на задний план.

У Рыси было воспитание, а манер не было, и ходил он в любое время года в облезлой куртке; зато он умел смеяться над собой, превращать буйную толпу в тихую и крайне редко унывал. Волосы у него тоже были рыжие, а глаза ярко-ярко голубые, как небо, если взглянешь с недосыпа. Если бы у Приюта с Рысью был девиз, он бы звучал так: «А зато поржали». Или еще: «Другого все равно нет». И «Пропадать – так с музыкой» тоже сошло бы. В Приюте, в общем, только тем и занимались, что пропадали – каждый на свой лад, иные по многу лет и уж с такой музыкой, что город внизу трясся.

Еду в Приют исправно поставлял городской мастер. Сам Приют стоял на холме на окраине города и подчинялся мастеру же. Вроде бы. Из города приходили тюки с овсянкой, гречкой, яблоками, буханками черного хлеба, тощими рыбами – из этих можно варить суп; мастер Приют не очень-то любил, но еду присылал всегда в срок, как по списку. Мастеру тоже было проще притворяться, что все так и должно быть и никто никого не ненавидит. Да тьфу на него... Рысь мысленно сплюнул и в сотый раз пообещал себе не думать.

– Пойду задам свой любимый вопрос, – сказал неизвестно кому и честно двинулся в сторону зала. – Какой сегодня день недели? – заорал на подходе, еще только отодвигая эти шали, кто-то завесил ими дверной проем, – бордовую с кисточками и черную с помпонами. – Какой сегодня день недели, а, ребят?

Все медленно повернулись к нему – заспанные, довольные, печальные, с брызгами грязи на штанах, в царапинах, с расклеенными по спинам дразнилками, в татуировках, в старых рваных майках, с растянутыми выцветшими рюкзаками. Смотрели кто угрюмо, кто насмешливо, а кто с надеждой, снизу вверх – это из новеньких. И если хоть один из них хоть на минуту нарисует сейчас себе в голове линейность времени – после сегодня будет завтра, утро-вечер, за понедельником всегда следует вторник, – это уже будет его, Рыси, победа.

– Так какой день?

– А я откуда знаю!

– Мы вообще спим еще, чего ты хочешь?

– Я не уверена, но думаю, что вторник.

– Кто за вторник, подняли руки! Кто за среду!.. За четверг есть кто? Пятница? Суббота?..

Все больше людей копошились в рюкзаках, что-то считали на пальцах и советовались. Кто-то достал тетрадные листки с самодельным календарем и сверялся теперь с ним, шевеля губами.

– Последнее слово, народ?.. Только чур не драться!

Голосовали почти поровну за пятницу и за четверг – Рысь даже сам засомневался, да ну их. Прошел по залу, посмотрел, все ли в порядке: люди потягивались, просыпались до конца, сворачивали свитера и куртки, на которых спали, и кое-как запихивали в рюкзаки. День обещал быть длинным и холодным.

Какая-то новенькая с темными глазами, черными волосами и в не по росту большой кожаной куртке так и сидела на полу, не двигаясь, глядя куда-то в их любимое ничто. Рысь поморгал – он же ее недавно видел. Совсем недавно. А, точняк, на рынке. Надо бы с ней поговорить, да в тот раз отвлекли.

Он сел на корточки и тихо положил руку ей на плечо:

– Тебя как зовут, а? Очнись давай. Давай-давай-давай, нечего, утречко, все шустро собираются, ты сейчас тоже шустро соберешься, пойдешь в столовую, обретешь там хлеба с яблоками... Давай, сдалась вам эта глубина. Давай наверх. О, ты моргаешь, это то есть «какие яблоки»? Да я и сам еще не пробовал, но вроде кислые...

Вот так трепаться за двоих Рысь мог часами, но на сей раз не понадобилось: девочка кивнула, чуть отодвинулась и ответила:

– Меня зовут Джо.

– А где ты?

– В зале вроде...

– А меня как зовут?

– Рысью зовут вас, – она не понимала, шутит он или нет, и на всякий случай нахмурилась, – вас же все знают. И вы представлялись.

– Ты представлялся, – поправил ее Рысь и мысленно поставил галочку. Ну вот, ура, кого-то вытащил с утра пораньше, про день спросил, теперь идти смотреть, чтобы в столовой было мирно, всучивать людям книги и так далее.

Он уже встал, когда Джо вдруг робко сказала:

– А я хотела спросить...

Все они хотят. Сейчас начнутся всхлипывания про родной дом, или про память, или мальчик понравился впервые в жизни, или кровь проступила, где не надо, – да мало ли вопросов может возникнуть у девочки пятнадцати лет! А та определилась и повторила уже требовательно:

– Так можно вас спросить?

Вот это наезд! Рысь фыркнул, потянулся было растрепать ей волосы, но девочка выскользнула из-под руки, как кошка. Покосилась тоже по-кошачьи, испуганно и зло одновременно, и все-таки соизволила поделиться:

– У вас бывает, что проснулся и темно? То есть всегда было темно и всегда будет, только ты не понимал. И ничего не станет хорошо.

«О как отлично! Главное, не кровь».

– Это по осени такая ерунда, – сказал любимым своим отстраненным тоном, вроде сочувствовал, а вроде и не квохтал. – Надо, короче, просто брать кого-то за руку и засыпать, а утром будет лучше.

– Но это же бездонное, как пропасть.

– Оно бездонное, пока ты туда смотришь. А ты отвернись. На фига оно тебе?

Джо вздохнула и не ответила. Ну конечно.

– Зайди в мансарду ко мне через час-другой, – попросил Рысь и встал, – поговорим, а то в тот раз не успели.

– А, ладно, – сказала она тоном человека, который плохо помнит, на каком он свете, – да, хорошо. Зайду.

Да чтоб его.

Роуз стояла у выхода из мансарды в коричневом плаще с рюкзаком наготове и ждала. Уже собрала волосы в хвост и надела серьги, уже закрылась наглухо, будто не с ним спала в обнимку еще два часа назад.

– Там дождь, – сказал Рысь без выражения.

– Я знаю, милый.

Они поцеловались на прощанье. Где-то на лестнице и в других комнатах, Рысь знал это, другие парни сейчас так же отпускали своих девушек, делая вид, что от них что-нибудь зависит.

– До вечера, – сказал он Роуз в спину, и она обернулась на ходу.

– Я зайду днем. И я забыла термос. И знаешь, милый, тут же Яблоко пришел.

Рысь замер. Кивнул. Яблоко так Яблоко. Пойти в мансарду и покончить с этим быстро.

– Привет, – сказал Яблоко и пожал плечами, и Рысь откликнулся дурацким полуэхом:

– И тебе привет.

Яблоко рассмеялся маленьким старческим смехом – Рысь ненавидел его с самого начала.

– А я ос разбудил, – поделился. – А у тебя как дела?

Он сидел на их с Роуз кровати, болтал ногами – серенький, невзрачный, вроде какой-то даже сгорбленный от незначительности, а ухмылка такая по-кошачьему довольная, что вре-

зять хочется. Укусная ухмылка, а волосы белей бумаги, белей простыни. Блеклыми серыми глазами он все смотрел на Рысь и не моргал. Рысь не глядел на него дольше нескольких секунд.

– Как дети твои? Всѐ растут, я вижу?

– Растут, – откликнулся Рысь. В горле пересохло, и он плюхнулся на пол у стены, начал отпускать лямки рюкзака – длинней, длинней, длинней, самые длинные. Пальцы не слушались, Рысь чертыхался про себя, а Яблоко наблюдал за ним прохладным взглядом – как будто на поверхности воды шла легкая рябь. Ветер – не ветер...

– То есть насчет нашего условия ты не раздумал? – уточнил он, и Рысь, как всегда, захотел заорать: «Раздумал, выкуси! Что ты мне сделаешь сейчас, а, что? Что ты нам сделаешь? Думаешь, если весь такой красивый, то морду тебе уже не набьют?»

– Нет, не раздумал.

Рысь нарочито медленно зафиксировал лямки, оправил футболку и взглянул Яблоку в глаза.

И все закончилось.

II

В Асне шел дождь. Он накрыл город тихим, мерным шелестом, который приглушил все прочие звуки. Вода пропитывала почерневшие ветви деревьев, дома, красные ягоды на кустах, листья, плащи прохожих и рыхлую землю. Началась осень. Асн был окружен лесом, как все города в здешнем краю, и в такую погоду Томасу, городскому мастеру, всегда казалось, что ничего, кроме леса, не существует.

Этим утром Томас сел на постели и в темноте услышал глухой шум.

Ну вот и все.

Город обрушивался на него десятком запахов: запахом прорезиненных плащей, опавших листьев, запахом пыли и старого дерева, запахом пирога у кого-то в духовке, первого льда на лужах, влажного пара, который выдыхаешь, когда холодно.

Томас кивнул:

– Доброе утро.

В этом и состоит работа мастера – общаться с городом. Мастер – каркас, мастер – опора, мастер – сердце. Не будет мастера – и города не станет.

Вообще городов с мастерами было семь, но мысль о таких же несчастливцах не грела душу, а только расстраивала. Вот в центре края стоял настоящий город, прекрасно обходящийся без мастера. И как же Томас ждал возможности туда вернуться! Говорят, кстати, что бездетным мастерам надлежит выбирать себе преемника, но об этом Томас пока не думал. Он еще даже не женат, какие дети? Потом, потом. Всё потом, если на то пошло.

На зеркале в его ванной были густо наклеены бумажки с личными заповедями: «не злись», «улыбайся понатуральнее, не халтурь», «люди ни в чем не виноваты, не пугай их», «думай, как выглядишь», «да перестань ты уже думать». Томас писал их десятками, быстро забывал, отдирав старые и приклеивал новые. Часто ему казалось, что стоит только начать твердо соблюдать именно это свежесформулированное правило – и все станет если не хорошо, то сносно, он перестанет быть таким ужасным мастером и сможет вспомнить о собственной жизни хоть чуть-чуть. Хотя бы купит новую рубашку.

«Терпение украшает мужчину».

«Вежливее».

«Не хочешь легче относиться к ситуации – не относись».

«Сходи в Приют во что бы то ни стало».

В последнюю запись он взгляделся еще раз, пристальной. Неужели снова пора? Уже? Так рано? С тех пор, как погиб отец, Приют для Томаса стал самым нелюбимым делом.

Самым.

Самым.

Когда он приходил, младшие дети толпились вокруг, а этот приютский главный, Рысь, стоял в сторонке и делал вид, что Томаса не существует. И Томас отвечал ему тем же. Он старался всегда отвечать взаимностью. Даже когда им приходилось разговаривать, Рысь смотрел в сторону, и Томас остро чувствовал, что над ним издеваются. Еще Рысь фыркал, периодически называл Томаса на «ты» и вел себя так, будто панибратский тон был ему привычен и раз навсегда позволен.

– Вот новые книги, – пояснял обычно Томас, кивая на стопку, – если у вас, конечно, ими кто-то интересуется.

– Вот предыдущие, – отзывался Рысь, кивая на другую стопку, – эти Томас приносил в прошлый раз. – Я могу попросить пересказать прочитанное. В лицах и с вариациями. Не хочешь? Не хотите?

– Нет, – отвечал Томас, – благодарю, спасибо, – и отпивал еще чаю из грубой кружки.

– Сахар? – спрашивал Рысь. – Селедка? Сало?

– Ваше сало выше всяких похвал, – отвечал Томас и подцеплял кусочек вилок.

– Мое сало?.. Не знаю, не пробовал.

Как отец вообще их выносил? «Сын, сохрани Приют во что бы то ни стало и помогай им всеми способами, что изыщешь». Ну да, кинулся помогать. Отец, отец...

Хорошим шагом до Приюта минут сорок. Хороший шаг – это когда людей немного, никто не бежит за тобой с криком «Мастер, мастер!», милые дети не зовут поиграть и не задают на спор всяких: «А вы курите?», милые барышни не провожают томным взглядом и священник, в теории тоже милый, не переходит на другую сторону улицы. Хороший шаг – это идти сначала местными дорогами, потом тропинкой, перепрыгивать через лужи и грязь, смотреть в небо и не открыть рта ни разу за все время пути. Хороший шаг почти недостижим.

Когда-то давно, в детстве, Томас думал, что нет ничего лучше, чем быть мастером. Ходить по улицам, касаться стен домов и чувствовать себя с Асном одним целым. И чтобы каждый житель знал в лицо. Теперь Томасу очень хотелось купить шляпу и куртку с высоким воротом, чтоб видны остались разве что глаза.

– Мастер, а мастер, а что там с погодой?

– Я выясню и сразу вам сообщу.

– Мастер, а солнышка бы?

Если бы он мог!

Они, кажется, путали его то со священником, который Томасу едва кивал, то с неким духом – исполнителем желаний, то с врачом. Люди стекались к нему в дом облегчить душу, со смешком посоветовать найти жену (в тяжелых случаях – попроситься на ее место) и убедиться, что все будет хорошо – в последнее Томас сам давно не верил. Люди здоровались на улице, он отвечал и знал почти наверняка, что на его месте все по-прежнему видят отца. Он бы и сам не прочь, чтоб на его месте был отец, да только тот ушел и не спросил.

Отец был мощным, крепким, ступал тяжело – вот уж опора так опора, крепкая рука... Томас уродился длинным, тонкокостным, с узким лицом типичного зануды и все гадал, чем провинился город, что ему вдруг достался такой мастер. «Хилый ты», – говорил отец, и ладно бы с презрением, так нет, с жалостью.

Отец любил копать в земле, собирать грибы, слушать о людских горестях – и выпить тоже любил. Не то чтобы он делал это часто, но после его смерти Томас обнаружил на полке в кладовой ряд пузырьков: «черносм», «малин», «шиповник-пнш», «оч сильн». К «оч сильн» Томас однажды даже приложился, промаялся головной болью целый вечер и больше с горячительным наследством не экспериментировал – пусть стоит уж... Отцовский сад медленно зарастал крапивой, и Томас видел в этом что-то правильное.

Томас любил просыпаться загодя. Загодя – это чтобы в прихожей никто не ждал и можно было пить свой крепкий чай на полутемной кухне, ежиться от прохлады и приходиться в себя. А не любил он просыпаться от того, что кто-нибудь стучал в дверь его спальни. Причем не этим робким, виноватым стуком, который все-таки хотя бы сознает, что он не вовремя, а наглым, укоряющим, уверенным.

– Доброе утро, – сказал Томас в пустоту, приподнявшись на локтях и пытаясь не рухнуть обратно лицом в подушку, – сейчас я выйду, минутку терпения.

Главное – сбросить одеяло, дальше – проще. Дальше вам попросту вмиг станет очень холодно, и вы будете вынуждены запрыгнуть в тапки и надеть халат, и потом двинуться, соответственно, к двери, по пути расправляя плечи и придавая мягкому лицу более-менее дневное выражение. Чуть отстраненное, слегка сочувственное и чтоб читалась по нему готовность выслушать, а отвращение ко всему на свете не читалось бы. И кто там в нем нуждается с утра пораньше? Только не плачущая женщина. Пожалуйста. Еще ведь осень только-только началась.

Он затянул пояс халата, распахнул дверь и самым предупредительным тоном, какой только смог выдать, спросил:

– Да-да?

И, конечно, все его трогательные приготовления остались втуне, потому что на пороге стоял не кто иной, как мэр города.

Она усмехалась и мерила его взглядом.

– Доброе утро, – повторил Томас и запахнул халат плотнее. – Чем обязан?

– Ой, да чего сразу обязаны-то! – Госпожа мэр, для него давно просто Анна, махнула рукой, и Томас понял, что свои плащ и шляпу она уже повесила в прихожей, потому что сейчас стояла в белом платье и синем жакете поверх. Еще она опиралась на черный зонт, и Томас живо вообразил, как кончик этого чудесного зонта упирается ему в грудь или живот.

Анна тем временем продолжала говорить в той чересчур бойкой манере зрелых женщин, которой Томас иногда втайне завидовал:

– Какая разница? Обязан, не обязан, то, это, пятое-десятое... Просто шла мимо и дай, думаю, зайду поинтересуюсь, как у мастера дела, раз уж лицо я вроде как уполномоченное...

– Интересоваться, как дела, в шестом часу утра? – уточнил Томас и жестом предложил взять ее под руку.

Они молча дошли до кухни – она в парадном платье и даже с серьгами в ушах, а он в халате, – и Томас молча заварил цветочный чай, не дожидаясь, пока прозвучит обеспокоенное:

– Мне можно мой любимый, да? Ну вот тот, с розами который... Вот спасибо.

– Только для вас его и держу.

– О, это вы правильно...

Анна приканчивала маленькими глотками вторую чашку и выглядела подозрительно довольной. Томас зачем-то вспомнил их первую встречу после похорон отца – когда она в толпе простых рабочих мрачно глядела на прорванную трубу, подоткнув платье и надев мужские сапоги. Труба выстреливала то фонтаном кипятка, то грязью, хотя по идее грязи там не должно было быть. Рабочие, узнав Томаса, зашептались, Анна сдула со лба мешающую челку и спросила устало:

– Мастер, а мастер, ну вот что это за история?..

– Это труба, – ответил, – рукотворная.

– А что, есть разница?

Он уже собирался объяснять, что с рукотворной трубой сложнее договориться, и что город, наверное, не спросили, когда столько-то лет назад ее прокладывали, и что в любом случае лучше бы его позвали сразу, потому что теперь город волнуется и вот и дождь идет особенно противный, – но Анна фыркнула, и он вдруг ясно понял, что эти тонкости ее не интересовали. Ей нужно, чтобы вода из трубы перестала хлестать и чтобы больше таких штук не повторялось, а как там Томас этого добьется, что за природа у их с Асном связи – вообще не важно. Только очень практичный человек может стать мэром воображаемого города, и Анна Риданайхэ подходила на эту роль замечательно. И поставки продуктов, и городской бюджет, и праздники, и сбор налогов, и еще что-нибудь для Томаса неведомое – всем этим заправляла Анна, и успешно. Она всегда казалась моложе своих лет – крепкая, невысокая, ладная женщина с карими глазами и сединой в каштановых волосах.

Спорить с ней было бесполезно, только смириться, и потому Томас не спеша вытащил из буфета коробку с пастилой:

– Угощайтесь.

– Я угощусь, но я не подobreю. О, апельсиновая! Это вы правильно поняли.

Томас пожал плечами, тоже отпил чаю. За окном переговаривались птицы – не орали, как весной, а так, тихонечко. Ноги на полу мерзли даже в тапках. Анна жмурилась, наслаждалась пастилой. Томас ждал.

– Вы извините, что я так вот утром вламываюсь, – начала Анна в середине третьей чашки, – другое время чёрта с два найдешь с этим банкетом, а так хоть чаю с вами выпили.

– С каким банкетом?

Лучше бы он не задавал этого вопроса. Анна смотрела на него секунду, две, три, потом все-таки хмыкнула:

– То есть вы не помните. А вы вообще-то тоже в нем участвуете... так, на минуточку.

– Да? А когда же?

– Когда-когда, сегодня! Вы, что ли, почту свою не читаете? А мы вам приглашение прислали еще недели три назад, красивое такое. С вензелечками.

Томас честно пытался вспомнить вензелечки – может быть, где-то в кабинете на столе они и ждали своего часа, он не знал. Пожал плечами снова, ему даже досадно толком не было:

– У меня почта не теряется только осенняя.

– Которая та самая? Ну еще бы она у вас терялась. Вы чего, наш банкет – такое зрелище, тут и оркестр, и бутербродики, и то и се...

– А в честь чего он?

– А просто так. Денег в конце побольше чтоб отдали.

– То есть он благотворительный у вас?

– У вас... У нас! Как налоги попробуешь повысить – так не дай бог, а как аукцион да чтобы мастер тоже поучаствовал – так все такие сразу деятельные, невозможно...

Томас вздохнул. Вот так вот в шесть утра ехидные женщины на твоей же кухне побуждают тебя творить безумства.

Анна поставила чашку на стол и впервые взглянула без усмешки. Томас тоже смотрел внимательно-внимательно: вот сейчас она выскажет то самое, для чего делала крюк через полгорода.

– Как там воля последняя отца-то вашего? Насчет Приюта вот которая? Не жмет нигде?

– А почему она должна мне где-то жать?

– А потому, что одной только рыбы мы им отправили уже черт знает сколько. – Анна теперь смотрела так сердито, будто бы Томас битый час ей возражал. – И всякой там картошки и гороха... А на другой стороне что? Завещание отца? А сколько времени нам их вот так вот обеспечивать – этого он не написал, нет? А чего так?

Томас молчал, ждал новых аргументов, и тогда Анна резко посерьезнела и сказала отрывисто:

– Если ты их не позовешь, меня Инесса с костями сожрет. И тебя туда же.

Ох, Инесса! В Асне считалось, что в Приюте живут колдуны и ведьмы, и раз в несколько месяцев матери города неизменно собирались тревожной стаей и шли к Томасу с требованием Приют закрыть. Была еще другая стая, злобная, – желчные вдовушки, встопорщенное кружево, и уж их-то не проведешь, они-то знали! Какие в наш век колдуны и ведьмы, когда в Приюте явно свил гнездо разврат. Вдовушки были старыми, не очень старыми...

– Нет, – отвечал Томас и им, и матерям, – я сожалею, но Приют закрыть нельзя. Последняя воля отца. Увы, никак.

– Вы хотите сказать, что ваш отец мог искренне любить вот эту гадость?

– Увы, увы, всем сердцем и душой.

Томас и сам был бы очень-очень рад, если б отец пожелал что-нибудь получше. Но нет, предсмертная записка, всё честь по чести, к тому же подпись мастера нельзя подделать.

III

– Какой банкет, они там обалдели? – переспросил Рысь в пустоту не то чтобы возмущенно, а озадаченно. – Ему без этого мало веселья?

– Кому ему?

– Да мастеру нашему обожаемому, кому еще...

Рысь хмуро смотрел на письмо у себя руках, надеясь, что не так что-то понял. Пять человек. Где он возьмет пять человек, чтобы и милые, и адекватные, и способные находиться подолгу вне Приюта, и понимающие, когда говорить, когда молчать? «Создать у горожан и г-жи мэра верное представление о физическом и моральном облике». Может, не надо верного-то? «Людей, наиболее полно выражающих концепцию...» Рысь представил там среднестатистических приютских девушек, которые говорят «милый» вообще всем, или девочек – как они жмутся у стены и не слышат даже прямых вопросов, или мальчиков, которые на всех смотрят сверху вниз, или парней – эти хохочут и толкаются...

«P. S. Это вопросы вашего снабжения.

P. P. S. Это не моя инициатива».

– Ох ты ж господи, – умилился Рысь сквозь зубы, – как же отлично-то! Чья же она тогда?

В комнате, кроме Рыси, была новенькая, которая подралась (она валялась теперь на постели в гнезде из пледов), и трое парней, которые, собственно, сподвигли ее подраться и теперь чувствовали некоторую неловкость (по крайней мере, Рысь надеялся, что чувствовали).

Утро выдалось отвратное: зарядил дождь, в столовой не хватило хлеба, и после встречи с Яблоком Рысь постоянно мерз. «В нудное утро – нудные дела», – решил он и честно сгорбился за письменным столом над тетрадкой со всякими расчетами. Нужно было прикинуть, сколько картошки понадобится Приюту в эту зиму, а потом все эти несчастные прикидки отдать мастеру, чтоб он их сдал еще кому-то и в итоге в Приюте были б ужины. Картошка, мясо...

В мансарде пахло деревом и сыростью. Рысь привычно переживал озноб и тошноту и все пытался понять, что имел в виду, когда мучился над тетрадью в прошлый раз. Какая «капуста провал июль»? «Редиска статус»? «Мелкие плюс один минус 0,5»? Иногда появлялся почерк Роуз, и тогда становилось яснее. А вот тут она рисовала на полях – какая-то сумка с бахромой, лифчик, бутылка и его, Рыси, неожиданно суровое лицо.

В дверь постучали, причем, судя по звуку, – каблуком.

– Войдите, – разрешил Рысь, не отрывая взгляда от тетради. Должен же в этом быть какой-то смысл?

В дверь медленно, задом, вошла девушка в коротком черном платье и да, на каблуках. Она держала за руки чье-то тело, но Рысь пока не смог распознать чье. Девушка пятилась, пока не появилась ее товарка, тоже в черном, и губы у нее были покрашены черной помадой. Она держала тело за ноги.

– Здравствуй, Ксения, – сказал Рысь той, второй, с помадой. – И ты привет, не помню, как зовут.

– Эм, оно там лежало, на полу, – пояснила Ксения, сгружая тело на кровать.

Тут-то Рысь понял, кто это, – новенькая в куртке.

– Не, женский род, – сказал и глубоко вздохнул. – Лежала, женский род. А так спасибо.

Девушки фыркнули и ушли по своим прерванным делам – обе такой походкой, которая призвана сражать. Рысь посмотрел на бесчувственную новенькую, на цепочки цифр, от которых снова отвлекся, и решил, что его не сразит уже ничто. Новенькая дышала очень тихо, и, пока Рысь решал, как ей помочь, вразвалочку вошел Артур и выдал коронный аргумент Приюта:

– А чё она?

За Артуром явились Клянусь и Феликс, и Рысь медленно повернулся к ним.

Вообще-то они с Артуром были похожи, но Артур – крепче, такой лось в футболке. Он вечно говорил сквозь зубы, штаны болтались на нем чуть ли не на щиколотках, и на этот его дешёвый шик часть девушек неизменно покупалась. Если Артурчик шел выгулять силу, то возвращался с бутылкой шампанского и только что не открывал ее зубами. Мог отжаться на одной руке и лихо свистел, сунув в рот два пальца. Клянусь много суетился и еще больше говорил, а Феликс был из той породы людей, которые обожают выводить всех из себя.

– Да ну? – уточнил Рысь, глядя на Артура в упор. – То есть это все она? А ты ничё то есть?

Был в Приюте такой отдельный сорт людей, которым надо всю дорогу проверять его, Рысь, на прочность. А что это он вдруг главный? Мы тоже хотим! Причем они же даже не со зла, никто не со зла, они просто не могут не борзеть – а вдруг на этот раз прокатит и он поддастся?

Артур, конечно, был из их числа, и говорить с ним надо было на его языке. Кого-то сила делает не в меру болтливым, кому-то оставляет горстку слов на все случаи жизни. Артур – из вторых.

– Как это вышло? – спросил Рысь тоном пониже и кивнул на кровать. Новенькая так и не очнулась. А щеки бледные, в разводах сажи, вот же горюшко. То есть не то чтобы в Приюте не швырялись силой, но сознание все-таки теряли редко.

Артур потоптался на месте в своих измятых летних туфлях. На одну ногу он надел носок, на вторую – нет. Ему бы мяч сейчас гонять, или к девчонкам, или выгуливаться, а не это всё.

– Чё, я ничё, – начал он снова, – я чего, совсем? Я, блин, иду по лестнице, а тут вдруг эта ни с того ни с сего...

– Так уж ни с того?

Как же Рысь не любил, когда собственный голос делался вдруг таким вот мерзко вкрадчивым, когда переставало быть смешно. Если в Приюте ты утратил чувство юмора – все, можешь сразу лечь лицом в ковер, толку будет примерно столько же, радости тоже, а времени сэкономишь... Он любил быть одним из них. Он был одним из них – ржал не по делу, читал по нескольку раз одну и ту же строчку, в шутку пихался, пил воду из леек, и иногда Роуз швыряла в него шмотки, просто чтоб он уже ушел и не мешал. Обычный парень с переизбытком рыжей силы, который иногда ужасно злится – и больше всех вообще-то на себя, но этого никто не замечает.

То есть не то чтобы все случилось в первый раз. Когда в доме живет толпа людей, почти каждого из которых распирает от силы, и половина из этих людей еще подростки, а половина позабыла все на свете, – волей-неволей ходишь в ожидании взрыва. Ты можешь всячески их занимать, придумать хор, читать им вслух разные книжки, вводить дежурства по столовой и по кухне, сам подавать пример и мыть посуду – но сила все равно будет ждать выхода. Плескаться в их телах и мозгах и оставлять на полу новые подпалины. Сила похожа по цвету на ржавчину и точно так же разъедает личность. Еще есть синяя, но в этой Рысь не разбирался – она у Роуз, и у некоторых мелких, и еще у его знакомых старших девушек, которые скажут одну фразу за неделю. Синяя сила – глубина, рыжая – хохот. Новенькая молчала, будто обладала синей, но дралась – рыжей, и это озадачивало.

Видимо, взгляд у Рыси сделался совсем задумчивым, потому что Артур поежился:

– Ну ладно, ладно! Ну сказал, что ей куртка велика, так это ж для знакомства, а не это!

– Которое?

– Ну мы с ребятами были... вон Клянусь и Феликс, и вот они спросили, чего она хочет, ну в смысле выпить, может, а она как ответит: «Молока», а Клянусь и скажи, что нет такого алкоголя, и потом еще...

Красноречие – это хорошо. Для Артура речь про молоко была, наверное, рекордом устного рассказа, он распинаялся, входил в раж, махал руками, а Рысь тошнило все больше и

больше. Воды бы сейчас. И ведь до кучи парни еще ждали, пока Рысь поймет письмо мастера и перескажет.

– Что? – обозлился, потрянул головой, будто их взгляды так легко стряхнуть. – То есть как сцепиться ни о чем – это мы с радостью, а как фигня какая, так мы все переживаем?

– А это, между прочим, одностороннее нападение было-то! – возмутился Клянусь, которого хлебом не корми – дай потрепаться неважно о чем. Полное прозвище его было Я Вам Клянусь, поскольку в первый день он правда клялся всем раз этак двадцать. А сейчас продолжал оправдываться – с воодушевлением. Они всё делали с воодушевлением. – В смысле, это она в нас кинула своим огнем. Нам-то зачем?

– Ага. Еще бы вы в нее ответно кинули. Какого хрена вы вообще ребенка дразните?

– Да ну а что этот ребенок бешеный такой!

– Она ведется, вот и дразним, весело же.

– Ну блин! Мы не хотели.

– А чё, а ей помочь-то можно как-нибудь?

И как раз когда Рысь хотел сказать: «Уйдите с глаз моих», с кровати раздалось:

– Я вообще-то вас слышу сейчас тоже.

Рысь поглядел на новенькую. Снова на ребят. Seriously никто ничего не понимает? Откуда-то вдруг потянуло дымом, и Рысь не сразу понял, что это тлеет письмо мастера, которое он смял в руке и не заметил. Ну чего, пускай. Зато вон парни косятся с опаской.

– Еще раз, – проговорил спокойно, пока бумага медленно скукоживалась, – еще раз я увижу краем глаза, что вы к ней лезете или еще к кому-то, кто ведется, будете вместо них лежать в два раза дольше. Это понятно?

– Да кто знал, что она ведется!

– Теперь знаете.

Он подождал еще возражений – не дождался и полез под кровать. Там хранились книги – все потрепанные, старые, не те, что приносил нынешний мастер раз в неделю, а те, что отдал в только что созданный Приют его отец – что-то забрал из городской библиотеки, что-то из личной, и Рысь за эти годы перечитал их все. Он погладил обложки, вспоминая «Сказание о городе утраченном и мастере его, все потерявшем», «Искусство кружева» (эта вообще про постель), «Белые башни, хрустальные окна» (это про город в центре леса, где нет мастера, самый большой во всем краю и самый главный), «Правдивые приключения разносчика писем».

Новенькая молчала, не сводила с Рыси глаз. Он тоже молча сунул ей «Сказание...» и обернулся к приумолкшей троице:

– А вы что?..

Аргур заржал и первым сцапал «Искусство кружева» – то ли кто-то ему уже рассказывал, то ли название рассмешило – фиг поймешь. Феликс, маленький, юркий и вечно всех раздражающий, схватил «Башни» и к себе прижал. Я Вам Клянусь, с которым, так сложилось, Рысь общался чаще и больше остальных, сказал одними губами: «Предатель» – и скорбно взял «Правдивые приключения...»

– Я тебе этого не прошу, – пообещал, – дня три.

– Да хоть неделю, – сказал Рысь. – Валите уже. Через неделю спрошу, я-то все читал.

– Seriously все?

– И перечитывал даже.

Приют, наверное, единственное в мире место, где чтение книг было чем-то вроде доблести. Сила мешает сосредотачиваться, рыжая уж точно. Рысь еще помнил, как тащил себя сквозь тексты, кусал кулак и хотел взвыть. Парни ушли, оглядываясь на него с опасливым уважением. Вот и славненько.

Он в рассеянности отхлебнул из пустой чашки – а что там было-то?.. – и пригорюнился: банкет этот несчастный... Еще же в мэрии – это пилить через весь город, и приглашение теперь

паленым пахнет по кое-чьей милости, ой кто же это был. Рысь оглянулся, не смотрит ли новенькая, и символически ударил себя в скулу. С новенькой, кстати, так и так поговорить... Он поднялся и передвинул стул к кровати.

– Эй, пссст, – позвал первый, пробный раз. – Ты что, на книжку вот сейчас обиделась?

– Нет, не обиделась.

Ага, а глаза то есть просто так красные, ну ладно. Сама худая, мелкая, а злости как у взрослой. Обычно новенькие либо много плакали, либо требовали вернуть их домой, будто Рысь знал, где это, либо присоединялись к остальным – и оглянуться не успеешь, как они друженько идут со всеми в душ и в столовой кидаются хлебом. Душа в душу! А эта вон дерется в первый день.

Это не считая того, что, если б все пошло, как должно было, никаких новеньких в Приюте не появлялось бы.

– Хочешь воды? – спросил Рысь, возвращаясь в здесь и сейчас, и новенькая, конечно, сказала:

– Не хочу.

Мелкая, острая и грустная. Как щепка.

– Щепка, – сказал Рысь, пробуя прозвище на вкус, – ты вот чего ведь?.. Ты, если будешь так швыряться силой, в один прекрасный день не встанешь просто.

– Ну и не встану. Почему это я – щепка?

– А потому что как после пожара.

До кучи она отвернулась к стенке, свернулась клубком – не трогай, мол; пришлось нависнуть над ней как придурку и потрясти. Чем глубже человек в себя уходит после потери или передачи части силы, тем муторней и дольше оправляется.

– Щепка, не спи, – он говорил и тряс ее, – спать вообще вредно.

– А вы можете отстать?

Ну и ну. Рысь не помнил даже, когда кто-то вот так совмещал наезд и робкую просьбу в одной фразе.

– Ты очень вежлива, но нет, не могу. Послушай, что скажу. Они придурки.

Тут она всем корпусом повернулась к нему и спросила:

– Но ведь «придурки» – это, эм, плохое слово?

– В разных домах по-разному. Ты вот что пойми: они орут ерунду. Что тебе за дело? Иди куда шла. Они сами не слышат, что вопят, но тебе-то себя надо беречь?

– А что это вообще было?..

Рысь представил, как Щепка злится, огрызается и как ее же сила вырывается и отшвыривает ее на пол. Особо везучие умудрялись подпалить ковры – Рысь шипел от боли, подпалины затягивались, а с Рыси сходили синяки.

– Сила вышвыривает людей из родных мест, – пояснил Рысь неохотно, – когда им исполняется пятнадцать лет, к примеру, или шестнадцать, или двадцать даже. Меня вот тоже вышвырнула. А потом мы всё забываем. И нас забывают. Раньше, до Приюта, мы сходили с ума, и всё на этом. Тебя же кто-то разозлил, когда ты перенеслась?

«Горячие сердца, горячие головы. Мы бы столько могли, если бы не были опасны для мира и для себя, о, сколько б мы могли. Сила редко овладевает человеком, которому не больно от несправедливости и который не хочет жить».

Глаза у Щепки снова повлажнели. «Черт, чем ее отвлечь?» Рысь вспомнил о насущном и спросил:

– Ты на банкет случайно не хочешь сходить?

– Да как будто меня туда пустят.

– А чего нет-то? – Он поглядел на нее с новым интересом. Ну а действительно: возраст подходящий, смеется редко, милым никого не называет... И силой, главное, сейчас швыр-

нуться просто физически не сможет. Мало в ней силы сейчас. Вот и замечательно. – А ты сама-то хочешь?

– А не знаю... А что там будет? Я вообще-то все испорчу.

– Да хоть пляши там, они сами нас позвали, – отмахнулся еще раз. Стало весело. Чего-чего они там ждут? Детей в костюмчиках? А вот придет такая Щепка в своей кожанке и выдаст им всю полноту концепции. – Первая не дерись, много не ешь, – напутствовал и сам же первый ухмыльнулся: – Хотя нет, ешь. Пускай думают, что мы триндец какие голодные.

IV

Вот что Томасу никогда не нравилось, так это мэрия – облицованное темно-зеленым камнем здание, на диво неуклюжее снаружи и ослепляющее белым цветом внутри. Впрочем, там подавали вкусный кофе. Еще во внутреннем дворе росли вечнозеленые кусты и меж камнями брусчатки пробивалась трава, и в этом-то условном саду Томас сейчас и расхаживал туда-сюда, кивая одинаковым местным служительницам в пышных белых юбках.

Дождя не было, и часть столиков с едой вынесли на улицу. Музыканты устроились здесь же, держали инструменты наготове, но играть торжественно и на публику еще не начали. По правде говоря, и публика-то только-только собиралась. Томас прохаживался по аллеям взад-вперед и обдирал листочки у кустов, растирал в пальцах. Ну где они?..

– Мастер, а вы чего внутрь не заходите?

– Жду одной встречи.

– Важная встреча-то?

– Довольно-таки да.

Он знал, конечно, знал, что вокруг думают и о чем прыскают в кулак – свидание, у мастера свидание! Ну да, свидание, с пятью одновременно. На всякий случай проверил петлицу – вдруг там гвоздика «я тоскую по тебе» или ромашка «жду любви», но нет, там торчала себе еловая ветка – «я мастер города и выше этих дел», – как и положено. Как хорошо, что она есть.

По правде сказать, Томас сам не понимал – надеялся он, что приютские не придут, или не надеялся. Не придут – неудобно перед Анной, а придут – перед всеми остальными. Например, с Рыси станется прислать две сладких парочки, и они примутся целоваться еще на входе. Или явятся пьяными. Или попросят разрешения исполнить песню. Или достанут из карманов орешки, финики, сушеную вишню и начнут угощаться на глазах у всех, а то и угощать. Или будут ходить за ним весь вечер, потому что он их любимый мастер и они его глубочайше почитают.

Когда он приходил в Приют, Рысь встречал его на пороге, а позади толпились так называемые младшие – дети тринадцати-пятнадцати лет с грустными глазами, и смотрели они с такой надеждой, что он отводил взгляд. Некоторые подходили обниматься, и Томас честно старался не морщиться и улыбаться не очень фальшиво.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.